

С Татьяной Шемшученко¹, тётей поэта Владимира Шемшученко, мы не виделись никогда. Татьяна Николаевна приглашала в гости, но я так до неё и не доехал... Мы общались по телефону. Голос у Татьяны Николаевны был мягкий, речь неторопливая, интеллигентная, рассказы обстоятельные. Татьяна Шемшученко не звонила просто так, без дела. Обязательно находился повод. Когда следовала фраза: «Владимир Григорьевич, я хочу вам рассказать...», я останавливал:

— Татьяна Николаевна! Погодите, включу диктофон!

Если я был предельно занят, просил разрешения перезвонить вечером из дома.

Я опубликовал воспоминания Татьяны Шемшученко о бабушке — участнике русско-турецкой войны, рассказ о её работе в библиотеке. Но самым первым был рассказ о блокаде.

А началось наше общение с письма Татьяны Николаевны в «Смену», в котором она в связи с предстоящим юбилеем газеты в декабре писала: «Дорогие мои! Я блокадница и только на три года моложе вашей газеты. После войны 37 лет проработала библиотекарем и все эти годы устраивала выставки и делала альбомы, используя вырезки из “Смены”...». В канун Дня Победы Татьяна Николаевна предложила нам свои воспоминания о блокадной

---

* **Желтов Владимир Григорьевич** окончил исторический факультет Ленинградского гос. университета. Работал корреспондентом и редактором отделов культуры в различных СМИ Ленинграда и Петербурга, последние годы — в газете «Невское время». Публиковался в газетах и журналах в России и за рубежом, включая США, в научных, поэтических и литературно-художественных сборниках. Живёт в Санкт-Петербурге.

** Печатается в сокращении. Полный текст опубликован в книге Владимир Желтов «Узелки блокадной памяти», СПб, 2020.

¹ Шемшученко Татьяна Николаевна, блокадница. Девичья фамилия — Иноземцева.

юности. Я записал их на диктофон, сделал расшифровку, подготовил текст, согласовал с рассказчицей и опубликовал. <...>

Татьяна Шемшученко:

Мне было 18 лет, когда началась Великая Отечественная война. Моя мама работала в яслях № 132 Кировского района, они находились на территории прядильно-ткацкой фабрики «Равенство» на улице Калинина. В конце июня 1941 года и я устроилась в эти ясли сестрой-воспитательницей.

В августе старшая группа детей была эвакуирована из Ленинграда с заведующей яслями. Остались младшие, и грудные дети. Исполняющей обязанности заведующей стала моя мама. Все работники яслей были на казарменном положении. В сентябре начались обстрелы и бомбёжки города. Надвигался голод. Питание было скудное. На складе яслей сохранилось немного пшена, им заправляли супы. Ещё был хлеб, соевое молоко, шроты — это жмыхи соевых бобов. Каши не варили — круп не было. Не было электричества, не работал водопровод. Мы, сёстры-воспитательницы, набирали воду в реке Екатерингофка. Вода была коричневого цвета, ржавая. Воду мы пропускали через несколько слоев марли, затем кипятили.

К нам в ясли стали поступать маленькие дети — сироты. Их находила милиция. Дети были страшно истощены. Много сил и забот приложили сёстры-воспитательницы, ухаживая за ними, как за родными. Так жили и работали до страшного дня 2 мая 1942 года, когда была ужасная бомбёжка фабрики «Равенство». Сначала на крыше девятиэтажного здания дружинники не успевали гасить фугаски, а потом начался пожар, который охватил всё здание. Ведь всюду был хлопок и пряжа. Выход из фабрики был отрезан. Приехавшие пожарные команды натянули под окнами брезент, и работницы прыгали с разных этажей. Многие получили травмы и ожоги.

Ясли находились на этой же территории, только в другом здании. У нас же от жары стали лопаться стекла, и пожарные бросились поливать здание водой. За яслями находилось пустое здание детского сада; дети, как вы помните, были эвакуированы. Мы решили, что там безопаснее и перенесли туда всех детей на руках. Но не успели ребятишек одеть, их было больше сотни, а нас восемь человек, как в пустое здание попала бомба, произведя страшный грохот, пламя и тучи чёрного дыма, и часть дома разрушилась. Страшно было всем. Дети плакали. Рядом ещё горели

Татьяна Шемшученко (Иноземцева)
с мамой

склады с хлопком. А ночью при ужасном грохоте вся фабрика «Равенство» рухнула. От неё осталась лишь одна стена. Люди в панике бежали к нам. Многие погибли. Всюду рвались снаряды и летели осколки.

На другой день моя мама сообщила о случившемся в райздравотдел Кировского района. Там было принято решение срочно всех детей перевезти в поселок Юкки, где пустовало здание детского санатория. Там сохранилась мебель, посуда, кухонное оборудование. Нам не нужно было везти кровати, подушки, посуду.

Помню, как через несколько часов за нами приехали санитарные машины. Мы спешно связывали бельё узлами, на них в кузовах машин клали детей. По дороге в Юкки нас обстреливали, но всё же доехали и довезли всех детей благополучно.

В Юкках в лесу собирали сосновые иглы, варили их, и напиток давали пить от цинги всем. Лечили детей сами. Дети болели простудой, бывали случаи ветрянки. Заболевших детей держали отдельно в изоляторе. Ещё помню, как у мальчика Вити четырёх лет вдруг началось ущемление грыжи. Так я и ещё одна сестра буквально бежали с ребенком на руках в больницу посёлка Парголово. Там ему сделали операцию, и после он снова был у нас.

Я всегда мечтала быть врачом. И осенью 1942 года ушла из яслей, уехала из Юкков и поступила учиться в Ленинградский педиатрический институт. Я стала жить дома. Трамваи не ходили. Каждый день в институт я ходила пешком: от Нарвских ворот за Финляндский вокзал, на Литовскую улицу. Силы иссякали. Тогда наша соседка предложила пожить у её сестры на Литейном проспекте. Я переехала к Ане Смирновой, моей ровеснице. Она работала на оборонных работах. Здесь было спокойнее, чем в Кировском районе. Да и в институт ходить стало гораздо ближе.

Уже поздно вечером пришла к нам Паня Долинина, родная сестра Ани, которая живёт больше на Ново-Сивковской улице (ул. Ивана Черных. — В.Ж.) у Нарвских ворот в нашей с ней коммунальной квартире. Её приход всегда большая радость для нас. Паня работает на городской телефонной станции телефонисткой целыми сутками. У Пани есть хороший знакомый, он водитель грузовика, работает на Ладоге, на ледяной трассе, что все называют «Дорогой жизни». Нас Ефим Прокофьевич иногда угощает перловой кашей из своего пайка. Для нас это большой праздник.

У Анечки квартира тоже коммунальная, несколько комнат пустуют, а в самой большой живёт пожилая женщина — бывшая кондуктор трамвая. Но сейчас трамваи стоят, вросшие в мёрзлую землю. Соседка надеется: наши обязательно победят, и тогда она снова поведёт свой маршрутный трамвай. Теперь часто она читает нам письма от дочери и внучки, которые эвакуировались в Ярославль.

К нам по вечерам почти ежедневно заходит военный, всегда требуя взять паспорт и спуститься вниз, в Красный уголок, для проверки ищут диверсантов!. Нас с Паней они уже знают, но всегда ругают — не там прописаны. Но всегда отпускают.

Моя мама осталась работать в Юкках, иногда приезжала к нам. Вспоминаю, как я однажды ждала маму, был очень холодный, ветреный декабрьский день. Мне очень хотелось маму хоть чем-нибудь покормить. У меня был только кусок хлеба. На Литейном проспекте недалеко от дома Ани была общественная столовая. Там можно было достать тарелку дрожжевого супа. Он представлял собой подсоленный кипяток, чуть заправленный дрожжевой крошкой. Поешь его — одна иллюзия сытости. Очередь в столовой была огромная. Люди стояли тихо и ждали. В руках все держали свою посуду. Я тоже пришла с миской. Стояла уже больше часа. Вот подошла и моя очередь. Миска наполнена этим супом. Как я бережно несла этот суп! Лишь бы не расплескать. Вдруг около ворот дома поскользнулась, миску не удержала, и суп вылился. Помню, как стояла в подворотне и плакала. Мама ждала меня на лестнице. Она меня успокоила. А вечером я, Аня и мама сидели возле буржуйки, которую жгли бумагой, грелись и пили горячую воду с подсушенными и посыпанными кусочками чёрного хлеба. Сахара тогда совсем не было.

Город был величествен и мрачен. Среди сугробов стояли вмерзшие в снег машины и трамваи. Вереницы ослабших людей шли пешком по улицам к Неве. Также и мы с Анечкой ходили за водой к берегу Невы. Новый год, 43-й, мне очень хотелось встретить

с мамой в Юкках. Днём, после учёбы в институте я пошла на Финляндский вокзал. Но в этот день к моему большому огорчению поезда не ходили. И я решила в Юкки идти пешком. Идти было очень трудно. Был сильный мороз, шёл снег, заметая железнодорожные пути. Но я всё же дошла до Юкков. Сколько было радости от встречи с мамой, с медсестрами и детьми!

На другой день утром ходили в лес за ёлкой. С трудом спилили одну и привезли на саночках. Для всех это была большая радость! А вот игрушек совсем не было. Из бумаги делали гирлянды, всякие самоделки. Думалось нам: чем бы угостить детей? Не было никаких сладостей.

Тогда я и еще одна сестра пошли в Осиновую Рощу к военным — попросить что-нибудь для детей. Нам не отказали. Офицер вынес кулечек с сахаром и дал даже три банки тушенки, и миску перловой каши. Детям раздали сахар, а для всех из каши сварили очень вкусный суп. Потом в зале, где стояла ёлка, водили хороводы.

На другой день уже пошёл поезд, и я в Ленинград вернулась на поезде.

В 42-м году стал ходить трамвай. Сколько радости принесло это событие. Однажды, выйдя из института, я увидела идущий трамвай. До остановки было ещё далеко. Побежала, но сестра в трамвай не успела. Он ушёл без меня. Долго ждала следующего. Поехала. И вдруг при повороте — о, ужас! — снаряд попал в предыдущий трамвай и разнёс его в щепки! Почти все люди, ехавшие в нем, погибли.

Много раз я попадала в обстрелы на Литейном мосту. Скрыться было некуда. Иногда приходилось ложиться прямо на мостовую. Как-то сильный обстрел застал меня на Невском проспекте, я не успела забежать в ближайшее бомбоубежище и была ранена небольшим осколком в шею. До сих пор остался маленький шрам.

Учиться в институте было тяжело. Мучил голод. Случались обмороки. Занимались по несколько часов, при свете коптилок. Студентам давали минимальный паёк хлеба и тарелку супа буквально пустого. Поэтому многие студенты не выдерживали, покидали институт. Окончив первый курс, я была вынуждена уйти из института. У меня развилась сильная дистрофия, цинга, начали шататься и выпадать зубы. Ноги были опухшими, на них появились раны. Я снова уехала работать в Юкки. Хотелось быть поближе к маме. Ведь я была у неё единственной дочерью.